

Новикова Н. С., Пугачев И. А.

СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ОБУЧЕНИЕ РКИ НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/53.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 123-129. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

(угадывающий).

Словообразовательные значения производных СЛ с суффиксом -ar(e), образованных от глагольных основ, можно описать следующим образом:

1. Лицо, профессионально занимающееся тем, на что указывает производящая основа, например: *whiten* (белить) - *whitstare* (белильщик), *dighten* (диктовать, устраивать) - *dihtnare* (устраивающий, распорядитель), *spedan* (месить) - *spedare* (массажист), *carien* (нести) - *cariare* (носильщик), *turnen* (вращать, обтачивать) - *turnare* (токарь), *webbian* (ткать) - *webbare* (ткач).

2. Лицо, действующее определенным образом в данный момент речи, например: *O.F. devorer* (пожиратель) - *M.E. devowrar* (пожирающий), *bigynnen* (начинать) - *bigginare* (начинающий), *gessen* (угадывать) - *gessare* (угадывающий), *guyen* (давать) - *givare* (дающий).

3. Лицо, обладающее способностью производить действие, на которое указывает производящая основа, например: *shapen* (творить) - *scharare* (творец), *wiescian* (колдовать) - *wielare* (колдун), *sheten* (стрелять) - *ssi-eterare* (стрелок), *bigeten* (рождать, порождать) - *begetare* (отец, вдохновитель).

Семантическая классификация субстантивных основ

Исследование подтвердило наличие следующих основных лексико-грамматических разрядов:

1. ЛГР конкретных существительных.

Данный ЛГР включает в себя 15 основ существительных (75% от общего количества). Например: *knee* (колено) - *knēlare* (стоящий на коленях), *gunne* (ружьё) - *gunnare* (оружейник), *ped* (корзина) - *peddare* (коробейник, мелкий торговец), *pipe* (волынка) - *pipare* (волынщик), *pott* (горшок) - *pottare* (гончар), *skip* (корабль) - *skippare* (шкипер), *harp* (арфа) - *harpare* (аферист), *wal* (стена) - *wallare* (каменьщик).

2. ЛГР абстрактных существительных.

5 основ существительных входят в данный ЛГР (25%), например: *O.K. klipra* (имитация звука) - *M.E. clipprare* (косарь), *gult* (вина) - *gültare* (виновник), *pris* (цена) - *prisare* (оценщик), *sorog* (медь) - *soorare* (бондарь), *Gallo-Rom. motton* (слово) - *M.E. mōtare* (адвокат).

Словообразовательные значения производных СЛ с суффиксом -ar(e), образованных от субстантивных основ, мы классифицировали следующим образом:

1. Лицо, профессионально занимающееся тем видом деятельности, на который указывает производящее слова, например: *gunne* (ружьё) - *gunnare* (оружейник), *pipe* (волынка) - *pipare* (волынщик), *pott* (горшок) - *pottare* (гончар), *pris* (цена) - *prisare* (оценщик), *skip* (корабль) - *skippare* (шкипер), *sēam* (шов) - *sēamare* (швец).

2. Лицо, обозначенное по положению, состоянию, качеству, указанному производящей основой, например: *knee* (колено) - *knēlare* (колелопреклоненный), *gult* (вина) - *gültare* (виновник).

Таким образом, анализ семантической характеристики производных СЛ с суффиксом -ar(e) показывает, что наибольшее количество глагольных основ относится к ЛСГ глаголов, обозначающих действие и к ЛГС глаголов коммуникации.

Большее количество субстантивных основ относится к ЛГР конкретных существительных.

Таким образом, словообразовательные значения среднеанглийских производных СЛ с суффиксом -ar(e) можно классифицировать следующим образом:

1. СЛ со значением занятия (43 существительных; 72% от общего количества), например: *bemare* (трубач), *clipprare* (косарь), *spedan* (массажист), *whitstare* (белильщик), *cariare* (носильщик), *gunnare* (оружейник), *hēfdare* (палач), *pipare* (волынщик), *pottare* (гончар), *prisare* (оценщик), *skippare* (шкипер), *soorare* (бондарь), *sēamare* (швец), *turnare* (токарь).

2. СЛ со значением качественной характеристики (10; 17%), например: *devowrar* (пожирающий), *bigginare* (начинающий), *carare* (болтун), *gültare* (виновник), *gruntare* (ворчун), *likkare* (льстец).

3. СЛ со значением отношений между людьми общего характера (6; 10%), например: *begetare* (вдохновитель), *spēdar* (помощник), *borware* (заёмщик), *fader* - *ewellare* (убийца отца), *givare* (дающий).

4. СЛ со значением социального положения (1; 1%), пример: *wildar* (правитель).

Согласно проведенному анализу, основное СЗ СЛ с суффиксом -ar(e) - СЛ со значением занятия.

Список использованной литературы

1. **Middle English dictionary.** Oxford: Henry Bradley, 1951.

СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ОБУЧЕНИЕ РКИ НА ПРИМЕРЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

*Новикова Н. С., Пугачев И. А.
Российский университет дружбы народов*

Любой человек, попадающий в иноязычную языковую среду и желающий общаться с природными носителями языка, должен быть знаком с коммуникативной нормой этого языка. Поэтому главной задачей педагога является формирование у учащегося коммуникативной компетенции - знания того, **что** говорить в определенных ситуациях и **как** говорить, чтобы с одной стороны, быть правильно понятым и, с другой сто-

роны, не выглядеть «белой вороной» в реальных ситуациях общения. И тут на первый план выходит проблема стандарта. Очень часто речь иностранца кажется странной и неуместной (даже при правильном грамматическом построении), она «режет слух» носителю языка, и он пытается объяснить иностранцу, что мы так не говорим, в данной речевой ситуации мы используем другие языковые средства. «Почему?» - спрашивает иностранец. И носитель языка начинает объяснять, что это стандарт, что так принято. Вообще объяснения типа «так принято» очень распространены при обучении иностранному языку - так же как выделенные в учебниках рамочки «Запомните!» А ведь очень многие (хотя, к сожалению, и не все) случаи исключений, подлежащих запоминанию, могут быть объяснены с точки зрения логики, часто с привлечением данных из истории языка. И такое объяснение, позволяющее студенту осознать суть языкового явления, логическую причину возникновения того или иного стандарта, той или иной нормы, может очень помочь при формировании языковой и коммуникативной компетенции. В данной статье мы попробуем показать, как можно практически использовать подобное объяснение при обучении учащихся правилам коммуникативного выбора глагольных видов.

Все преподавателя - практики, работающие в иностранной аудитории, сталкиваются с трудностями при изучении грамматической темы «виды глагола». И связано это прежде всего с тем, что само понятие вида оказывается чрезвычайно сложным для иностранцев, не имеющих в своих родных языках подобных категорий, где все нюансы протекания действия выражаются с помощью различных глагольных времен. Как показывает наш опыт, до начала изучения категории вида учащиеся обычно бывают чрезвычайно счастливы, что русская систем глагольных времен оказывается гораздо более простой, чем соответствующие системы в их родных языках. Но уже при первом знакомстве с глагольными видами большинство учащихся начинает искать аналогии между временными формами родного языка и видовременными формами русского (исходя из логики построения грамматической системы своего языка), убеждается, что точных соответствий нет, и часто впадает по этому поводу в депрессию, утверждая, что никогда не сможет правильно выбрать видовую форму, даже выучив наизусть все правила употребления видов. Чтобы помочь учащимся избежать этого, надо, как нам кажется, с самого начала дать им возможность понять логически **что такое вид и почему** он оказывается необходимым элементом системы русского глагола. Для этого прежде всего необходимо вместе со студентами проанализировать, какие параметры в описании действия оказываются существенными и коммуникативно-значимыми в их родном языке и какие - в русском, и соответственно, как это отражается на грамматике - иначе говоря, какие нюансы значения, выражающиеся в их родном языке временными формами, в русском языке «берет на себя» категория вида. Такой подход помогает осознать логику видовых противопоставлений и, как следствие, логику практического употребления видов, исходя из конкретной коммуникативной задачи.

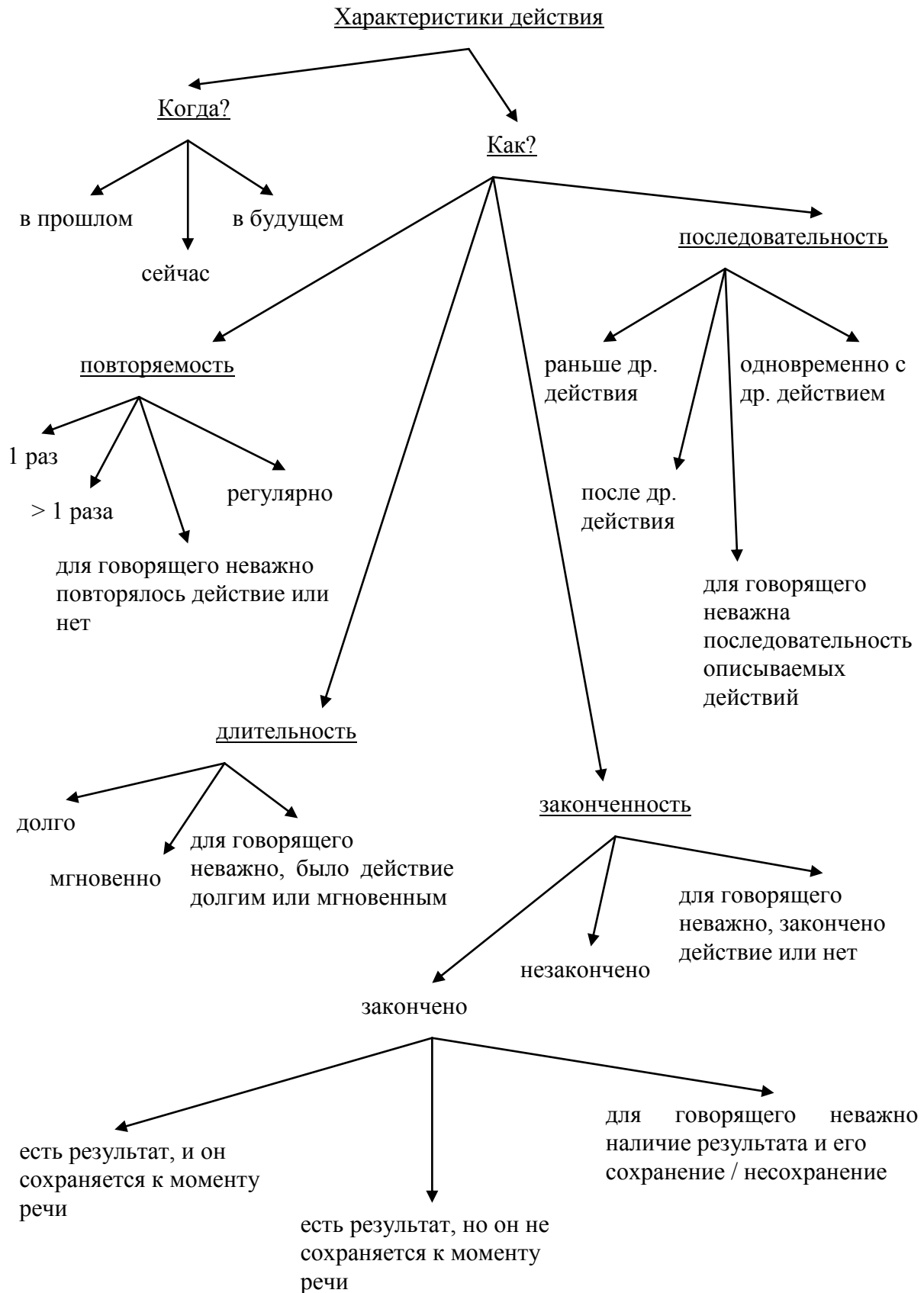
Заметим, что обычная процедура презентации понятия вида в учебном процессе построена совсем по-другому принципу. Как обычно вводится категория вида?

Почти во всех практических учебных пособиях учащимся сообщается, что в русском языке существуют два вида - совершенный и несовершенный - и далее анализируются ситуации, требующие использования той или иной видовой формы. Таким образом, введение новой языковой категории носит «директивный характер»: дается перечень речевых ситуаций (контекстов) и перечень правил, предписывающих употребление в них того или иного конкретного вида. При этом ни в одной из практических книг по обучению РКИ (а нами были проанализированы 9 популярных на сегодняшний день учебных пособий по видам глагола [Овсиенко, 1989; Василенко и др., 1982] не дается определение самой категории вида и, как показывает наш опыт, студенты-иностранцы часто не понимают самой сути этого языкового явления.

Как же донести до учащихся логику видовременной системы русского глагола, как показать им, что в этой системе нет ничего случайного и/или избыточного и что все в ней подчинено целям достижения наиболее успешной коммуникации?

К решению этой проблемы можно и нужно (по нашему мнению) подойти с 2-х сторон: с точки зрения сопоставительного синхронического описания глагольных систем родного языка учащихся и русского языка и описания диахронического, помогающего иностранцам понять логику формирования категории вида, которая и возникла для того, чтобы компенсировать «усеченность и недостаточность» временной системы русского глагола.

Презентация категории вида должна, как нам кажется, начинаться с того, что педагог предлагает студентам подумать вместе, какие характеристики может иметь действие. В ходе совместных логических рассуждений учащиеся приходят к выводу, что действие может совершаться в прошлом, настоящем и будущем, быть однократным или многократным, протяженным или мгновенным, являться законченным или незаконченным, характеризоваться результатом (сохраняющимся или несохраняющимся на момент речи), предшествовать другому действию или следовать после него. Все эти особенности действия, выявленные совместно со студентами, преподаватель представляет на доске в виде следующей схемы:

Данная схема очень удобна для того, чтобы сделать (вместе со студентами!) вывод, что в русском языке категория времени описывает **когда** происходило / происходит / будет происходить действие, но не дает информации о том, **как** это действие происходило / происходит / будет происходить. Для описания особенностей протекания действия в русском языке и существует категория вида, отвечающая на вопрос **как**?

Схема помогает учащимся понять, что относительная «простота» временной системы русского глагола

(по сравнению, например, с системой глагольных времен в английском языке) не позволяет выразить в предложении **характеристики** протекающего действия, ограничиваясь лишь указанием на временные рамки (соотнесенностью с прошлым, настоящим и будущим). Компенсировать такую недостаточную детализованность, дополнить описание того, **когда** протекает действие, информацией о том, **как** оно протекает и призвана категория вида.

После такого логического представления учащимся сообщается, что в русском языке существуют 2 вида - НСВ и СВ, очерчивается круг речевых ситуаций, которые они покрывают, подчеркивается, что у глаголов СВ нет настоящего времени (здесь стоит предложить студентам подумать логически, почему у СВ неполная парадигма времен!), и, далее, вводятся правила использования НСВ и СВ в прошедшем и будущем времени, как это делается обычно в курсе РКИ. При этом, естественно, учащимся первоначально дается ядро системы: приводятся примеры, в которых возможно использование одного и только одного вида. Далее эти теоретические положения закрепляются в упражнениях, чтобы (в идеале) довести навык отбора вида до автоматизма.

Усваивая ядро системы, студент приобретает базовые знания, которые затем расширяются, охватывая случаи конкуренции видов, т.е. происходит переход от изучения ядра системы к ее периферии, что представляет для учащегося следующую итерацию, следующий шаг на пути к заветной цели - овладению русским языком на уровне, максимально приближенном к уровню природного носителя языка.

Начинается новый этап, в ходе которого студент должен учиться варьировать выбор глагольного вида в зависимости от коммуникативной задачи. И именно на этом этапе учащийся чаще всего чувствует некоторую растерянность: приученный использовать точный и однозначный алгоритм выбора вида, которому его научили на начальном этапе, он часто оказывается беспомощным перед необходимостью «включить» свое логическое мышление: ведь в качестве критерия отбора ему нужно использовать уже не формальные контекстные показатели, а коммуникативную направленность своего высказывания, ибо в реальных речевых ситуациях носитель русского языка может варьировать выбор глагольного вида в зависимости от коммуникативной задачи. Можно сказать, что существование двух глагольных видов в русском языке и возможность их взаимозаменяемости - это проявление принципа вариативности. При этом пределы вариативности - это случаи, когда можно использовать только НСВ и СВ: в «точках предела» вариативность перерождается в контраст, ибо контраст - это предел вариативности.

В условиях той или иной коммуникативной задачи обычно более предпочтительным (и, соответственно, более привычным в узусе) оказывается использование одного из видов (хотя формальные критерии выбора именно этого вида отсутствуют). Естественно, это вызывает затруднения у студентов и ведет к многочисленным ошибкам. Для облегчения понимания того, что такое конкуренция видов и почему она происходит в речи представляется полезным дать учащимся следующую схему:

Зона А	Зона В	Зона С
Контексты, где используется только НСВ	Контексты, где используется или НСВ, или СВ (в зависимости от коммуникативной задачи)	Контексты, где используется только СВ

Данная схема показывает, что СВ и НСВ находятся в привативной оппозиции и зона В - зона их пересечения. Именно случаи, попадающие в эту зону, и вызывают затруднения у студентов, ибо необходимость самостоятельного выбора глагольной формы при построении высказывания в зоне языковой свободы часто пугает учащихся: они пытаются найти какую-нибудь универсальную прагматическую стратегию, построить таблицу соответствий между глагольными формами русского и родного языков: например, форма прошедшего времени НСВ ассоциируется у англоговорящих с формой Past Continuous. Но такое соответствие справедливо лишь для одного из значений, выражаемого в русском языке формой НСВ. Как же быть с другими значениями? И почему вообще «под одной крышей» НСВ объединяются такие разные значения как, например, повторяемость и процессность? Какова внутренняя логика именно такого объединения? Почему, в свою очередь, глагол СВ может обозначать и однократное, и мгновенное, и законченное, и результативное действия?

Помочь учащимся разобраться в кажущемся «хаосе» может диахронический подход, который познакомив их с историей возникновения видов, даст им возможность понять логику видовых оппозиций и даже найти (пусть приблизительные, но чрезвычайно полезные для практики) аналогии с глагольными формами родного языка.

При таком подходе студентам дается краткий экскурс в историю глагольных форм с анализом тех значений, которые выражали аорист, плюсквамперфект, древние имперфект и перфект, а также оппозиций, в которые вступали эти временные формы. Как известно, перфект и аорист противопоставлялись с точки зрения наличия/отсутствия связи с настоящим, аорист и имперфект противопоставлялись по наличию/отсутствию ограничений на длительность действия, имперфект и перфект - по наличию/отсутствию ограничений на повторяемость, плюсквамперфект и имперфект - по наличию/отсутствию ограничений на последовательную связь событий. Всю эту информацию удобно представить в виде следующей таблицы:

Основа оппозиции (противопоставления)	Перфект	Аорист	Имперфект	Плюсквамперфект
Ограничение на повторяемость	+		-	
Ограничение на длительность		+	-	
Связь с настоящим	+	-		
Ограничение на последовательность событий			-	+

Необходимо напомнить учащимся, что оппозиция - очень важная структурная категория любой системы, очень сильное логическое отношение, которое сохраняется при любом позиционном варьировании противопоставленных единиц - ср., например, сохранение противопоставления твердости-мягкости во всех формах падежных окончаний. Поэтому даже при уходе из системы одного из членов оппозиции сама оппозиция сохраняется - роль противопоставленного по какому-либо признаку члена переходит к другому структурному элементу системы. Так произошло и с системой глагольных времен: в ходе исторического развития плюсквамперфект и аорист постепенно исчезают, но оппозиции, членами которых они являлись, сохраняются. Поэтому с исчезновением аориста его роль немаркированного члена в оппозиции «наличие/отсутствие связи с настоящим» берет на себя имперфект, а роль маркированного члена в оппозиции «наличие/отсутствие ограничений на длительность» переходит к перфекту. С уходом плюсквамперфекта его роль маркированного члена оппозиции «наличие/отсутствие ограничений на последовательную связь событий» передается перфекту.

Почему происходит именно так, удобно объяснить с помощью таблицы:

Основа противопоставления	Перфект	Аорист	Имперфект	Плюсквамперфект
Ограничение на повторяемость	+		-	
Ограничение на длительность		← [] +	-	
Связь с настоящим	+	- [] →		
Ограничение на последовательность событий			-	[] +

Такая таблица помогает студентам понять, почему, с исчезновением плюсквамперфекта и аориста оставшиеся перфект и имперфект оказываются противопоставленными по всем четырем признакам, а не по одному (как было раньше). Все это привело к увеличению количества ситуаций, требующих употребления имперфекта (превратившегося в результате в современный несовершенный вид) и перфекта (ставшего, соответственно, совершенным видом). Иностранцам становится понятна логика возникновения категории вида, становятся ясны некоторые особенности функционирования видов, которые раньше представлялись им непонятными: почему, например, глагол СВ в форме прошедшего времени может обозначать и мгновенное действие (когда «за маской» современного СВ проступают черты древнего аориста), и действие в прошлом, результат которого сохраняется в настоящем (это значение современный СВ получил от древнего перфекта), и одиночное законченное действие в последовательной цепочке событий (это значение осталось СВ в наследство от ушедшего плюсквамперфекта).

Интересно, что древнерусскую систему глагольных времен по значению и употреблению можно соотнести с системой времен современного английского языка. В [Сивергина, 2001] автором проведено сопоставительное исследование глагольных систем, результаты которого нам показалось удобным свести в таблицу:

Древнерусские глагольные формы	Примерно соответствующие (по значению и употреблению) глагольные формы современного английского языка
Аорист	Simple Past
Имперфект	Past Continuous
Перфект	Present Perfect
Плюсквамперфект	Past Perfect

Из этой таблицы понятно, что с уходом из языка аориста и плюсквамперфекта, с увеличением числа контекстов, «покрываемых» формами имперфекта и перфекта, с перерождением древнего перфекта в современный СВ, а имперфекта - в современный НСВ, мы получаем следующее:

Современные видовые формы русского языка (прошедшее время)	Примерно соответствующие (по значению и употреблению) глагольные формы современного английского языка
СВ	Simple Past, Present Perfect, Past Perfect
НСВ	Past Continuous, Simple Past

Такая таблица соответствий (хотя и очень приблизительных, как показывает опыт) очень помогает англоговорящим учащимся. Она позволяет учащимся осознать, почему формы НСВ в зависимости от конкретной ситуации могут переводиться на английский язык и формами Past Continuous и формами Past Simple, а формы СВ - соответственно Present Perfect, Past Perfect или Past Simple. Иностранцы начинают понимать, что именно разница базисов противопоставлений, лежащих в основе видовременной и, соответственно, временной системы глагольных форм в русском и английском языках, и определяет невозможность составления однозначной таблицы соответствий.

Возвращаясь к вышеприведенной таблице, отметим, что она наглядно показывает: в любой из четырех оппозиций маркированным членом оказывается СВ, а немаркированным - НСВ. Обращая внимание учащихся на этот факт, педагог помогает учащимся глубже понять логическую суть видового противопоставления: НСВ противопоставлен в русском языке СВ как форма, называющая действие без каких-либо ограничений, форме, называющей действие с рядом ограничений. Так, например, использование НСВ в форме прошедшего времени не всегда говорит об отсутствии результата - говорящий может просто не упоминать о нем (ввиду незначимости этой характеристики действия в условиях конкретной коммуникативной задачи). Аналогично, использование данной формы без поддержки контекста не всегда свидетельствует о том, что действие было повторяющимся: в зависимости от семантики глагола оно может говорить только о том, что действие совершалось - а происходило это много раз или один раз уточняется говорящим с помощью дополнительных контекстных средств (если это важно с точки зрения его коммуникативных намерений). Таким образом, НСВ и СВ оказываются противопоставлены как общее (НСВ) и частное (СВ):

	Общее (НСВ)	Частное (СВ)
1	Отсутствие ограничений на повторяемость. Если n - число повторений, то $n = 1 \div \infty$	Частный случай: $n = 1$
2	Отсутствие ограничений на длительность. Если Δt - длительность действия, то $\Delta t = 0 \div \infty$	Частный случай: $\Delta t = 0$
3	Отсутствие ограничений на законченность	Законченное действие - частный случай действия вообще
4	Отсутствие ограничений на результативность	Действие с результатом - частный случай законченного действия
5	Отсутствие ограничений на связь с настоящим	Действие с результатом, сохраняющимся в настоящее время - частный случай законченного результативного действия
6	Отсутствие ограничений на последовательность событий (при перечислении действий)	Последовательная цепочка действий - частный случай при перечислении действий, когда каждое последующее действие начинается только после окончания предыдущего

Таким образом, НСВ - более обобщенная, более «широкая» форма, а СВ - более конкретная, более детализованная. Понимание этого факта плавно подводит учащихся к ответу на вопрос: какие формы прошедшего времени более частотны в речи - СВ или НСВ? Почему? При ответе на этот вопрос студенты обычно отвечают, что более частотными, на их взгляд, оказываются формы СВ (именно они больше «на слуху»), а вот ответить на вопрос «почему» они обычно затрудняются: ведь формы НСВ обладают, казалось бы, более широким содержанием. И тут следует напомнить учащимся о том, что язык - это прежде всего средство коммуникации. Каждый коммуникативный акт обладает ситуативностью, он происходит здесь и сейчас и характеризуется конкретной коммуникативной целью, для достижения которой говорящий стремится к конкретизации и детализации.

Так, если мы говорим о разговорной речи, то очевидно, что коммуникативное намерение говорящего высказать какую-либо обобщающую информацию гораздо менее частотно, чем намерение сообщить что-то конкретное в конкретной ситуации. Поэтому вполне естественно, что для описания прошлых событий в разговорной речи преобладают глаголы СВ.

И, напротив, в текстах учебников, содержащих обобщенную информацию, не характеризующуюся ситуативностью, привязанностью к конкретной коммуникативной ситуации, более частотными являются глаголы НСВ.

Можно сказать, что форма СВ несет в себе гораздо больше семантического содержания, значимого для коммуникации, чем форма НСВ. Действительно, при любом акте общения одним из наиболее важных вопросов оказывается вопрос о том, было ли действие законченным или нет, характеризовалось ли оно результатом или нет, и если результат был, сохраняется ли он на настоящий момент: от ответа на этот вопрос часто зависит стратегия дальнейшего поведения коммуникантов.

Иными словами, форма НСВ дает прежде всего общую информацию, а форма СВ - информацию кон-

кретную, на основе анализа которой коммуниканты и строят в дальнейшем собственную коммуникативную стратегию.

Возвращаясь к вопросу об адекватности выбора той или иной формы в условиях конкуренции видов, отметим, что на данном этапе задача педагога - объяснить учащимся, что универсальной процедуры выбора видовых форм не существует, ибо не последнюю роль при выборе формы в условиях данной коммуникативной задачи играет семантика глагола, его лексическое значение. Кроме того, существует коммуникативно-ситуативный стандарт, который диктует выбор клишированной формы в клишированной ситуации.

Значит ли это, что никакого сопоставления с родным языком быть не должно? Нет и еще раз нет! Клишированные формы, покрывающие клишированные речевые ситуации, часто основаны на универсальной логике, не зависящей от языка индивида. И опорой для понимания логики выбора того или иного вида (а вид, как уже говорилось выше, это прежде всего логическая категория) должны стать универсалии логические, межъязыковые. Так, в парадигме любого глагола существуют активные и пассивные формы - активные и пассивные с точки зрения их коммуникативной необходимости (которая зависит от лексического значения глагола.) Одни из них настолько «пассивны», что вообще исчезают, приводя к неполноте парадигмы. Так, например, в любом языке трудно представить себе ситуации использования императива от глагола *потерять* (*Потеряй!*), а негативная форма императива, напротив, весьма частотна (*Не потеряй!*). Здесь именно логика ситуации диктует выбор правильной грамматической формы. Логическая универсалия проявляется в языке как универсалия межъязыковая.

Именно логический анализ (с привлечением межъязыковых соответствий - там, где это возможно) помогает учащимся правильно выбирать глагольный вид в условиях конкретной коммуникативной задачи.

Использование изложенной выше методики представления глагольных видов, базирующейся на диахроническом и сопоставительном синхроническом описании, дает иностранцам возможность понять логику видового противопоставления, закономерность выбора той или иной видовой формы и, соответственно, способствует осознанному формированию у них коммуникативной компетенции на изучаемом языке.

Список использованной литературы

1. **Борисова Е. Г., Латышева А. Н.** Лингвистические основы РКИ. Педагогическая грамматика русского языка: учебное пособие. М., 2003.
2. **Василенко Е., Егорова А., Ламм Э.** Виды русского глагола. М., 1982.
3. **Гуревич В. В.** Глагольный вид в русском языке: пособие для изучающих русский язык. М., 1994.
4. **Караванов А. А.** Виды русского глагола: значение и употребление: практическое пособие для иностранцев, изучающих русский язык. М., 2003.
5. **Кривонос А. Д., Редькина Т. Ю.** Знаю и люблю русские глаголы: пособие для курсов русского языка. СПб., 2006.
6. **Овсиенко Ю. Г.** Русский язык для начинающих. М., 1989.
7. **Пулькина И. М., Захава-Некрасова Е. Б.** Русский язык: практическая грамматика с упражнениями. Изд. 8, испр. М., 2000.
8. **Сивергина О. В.** Диахроническое описание системы времен глагола родного языка как способ понимания и осмысления времен английского глагола // *Материалы Межвуз. конф. «Лингвистические и методические аспекты подготовки научно-технических переводчиков»*. М.: РУДН, 2001. С. 242-248.
9. **Скворцова Г. Л.** Употребление видов глагола в русском языке. М., 2000.
10. **Соколовская К. А.** 300 глаголов совершенного и несовершенного вида в речевых ситуациях. М., 1995.

АВТОРСКИЕ ТОПОНИМЫ В РОМАНАХ ФЭНТЕЗИ

Новичков А. А.

Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Предметом настоящей статьи является анализ топонимов англоязычных романов фэнтези с целью определения их специфических отличий от обычных авторских топонимов. Объектом исследования послужили произведения в жанре эпической фэнтези четырех американских писателей: Дж. Мартин, Р. Хобб, Р. Джордан, У. Ле Гуин.

Вопросы индивидуально-авторского словотворчества в последнее время изучаются все шире, однако ономастическое творчество писателей в отдельных литературных жанрах исследовалось мало. Особый интерес представляет функционирование и лингвистические особенности имен собственных в жанре фэнтези, отличающемся особой яркостью и богатством авторского ономастикона [Луговая, 2006].

Топонимы художественных произведений жанра фэнтези, созданные автором, с лингвистической позиции исследовались в основном на материале романов Дж. Р. Р. Толкиена [Там же; Лебедева, 2007; Мисник, 2006]. Мы согласны с тем, что роман Толкиена «Властелин колец» следует считать эталоном жанра эпической фэнтези, однако роман был лишь мощным толчком развитию жанра, в котором к настоящему времени появилось множество великолепно написанных и интересных с лингвистической точки зрения произведений.

Эпическая фэнтези выделяется среди других поджанров (героической фэнтези, детской, научной, исторической и т.д.) особым отношением к конструируемому автором миру. Этот вымышленный мир, называемый термином Дж. Толкиена «вторичный мир» [Толкиен, 2000, с. 462], является своего рода визитной кар-